

Крымский монастырь

В Южной России можно обнаружить большое количество монастырей, принадлежащих православной общине. В большинстве своем они отличаются постоянной активностью и духом свободы своих обитателей. Топловский монастырь – идеальный образец таких общин, способствующих процветанию этого края.

Приблизительно в 65 километрах от Феодосии, у отрогов Крымских Альп, посреди леса расположился Топловский монастырь. По обеим сторонам дороги тянутся прекрасные фруктовые сады. И это принадлежит монастырю?! Я замечаю черепичные крыши, свободно рассеянные по окрестностям. И это монастырь?! Огромные пастбища с пасущимися на них красавицами-коровами. И это тоже принадлежит монастырю?!

Монашки, без сомнения, дают обет бедности, но сам монастырь богат, он намного богаче окружающих его деревень.

Дорога, прорубленная в скале, мягко огибает гору и приводит нас на подворье монастыря – полностью открытую площадку, где в дни праздников толпятся паломники с окрестных сел.

Слева расположены конюшни и жилье прислуги. Далее следует гостиница для путешественников. Верхние комнаты предназначены для особо почетных гостей. Здесь можно жить сколько хочешь без специального разрешения игумены, при условии не вмешиваться в жизнь обители и, естественно, оплатить в конце все дни своего проживания.

Слева из моего окна видны стены строящейся церкви, напротив меня на склонах горы раскинулся прекрасный лес, усеянный там и сям розовыми крышами, утопающими в темной зелени деревьев.



На фото – Большое подворье Топловского монастыря

*Жанна Бертрен – сестра Луи-Алексиса Бертрена (Луи де Судака), известного крымского историка и литератора. (Здесь и далее прим. переводчика)

У подножья горы расположена монастырская часовня, а в глубине оврага находится чудотворный источник Чокрак-Калис (по-татарски – живой родник здоровья). Повсюду снуют черные силуэты. Кто это? Монахи или монахини? Головной убор у них такой же, как у русских и армянских священников, только вот не видно сзади излюбленной поповской плетеной косички... Нет, все-таки это монахини. Вообще-то очень трудно издали с первого взгляда отличить послушника монастыря от послушницы. Если бы Бог не наделил монастырского духовника округлой бородой, его можно было бы принять за игуменью. <...>

Но вот звонят колокола. Сейчас начнется вечерняя служба. Весь придел часовни, в которой проходит богослужение, заполнен черными силуэтами, стоящими на коленях. Ни одной скамьи, ни одного стула! Посередине центрального нефа перед сверкающим огнями и позолотой иконостасом стоит молодая монахиня. Монотонным, но очень ясным голосом читает она Евангелие на старославянском языке. Чтение завершается молитвой, повторяющейся раз тридцать: «Господи, помоги нам! Господи, помоги нам!» Что-то похожее на скороговорку.

Удар камертона прерывает запыхавшуюся монахиню, и вот вступает хор. Самые нежные голоса, самая богатая гармония слышатся в этом пении, подчеркиваемом тяжелыми органными акцентами, после которых голоса затихают на самых низких нотах. Эти контральто так же неожиданны, как и сопрано в Сикстинской капелле.

В течение двух часов я присутствовала на службе, во многом напоминающей нашу.* Ближе к окончанию службы монахини парами стали подходить к святым книгам у алтаря и целовать их. Сначала подошла игуменья, затем матушки в длинных платьях, сестры и, наконец, послушницы. <...>



Послушницы в рабочей одежде

А вот то, что мне особенно запомнилось из воскресной службы, состоявшейся на следующий день: по выходе из церкви желающим раздавали булочки из нежного бездрожжевого теста. Можно купить такие булочки для своих друзей и знакомых, надписать имя на нижней корке. Священник освятит их, а затем эти булочки будут есть в семьях. Я также обратила внимание на огромное рисовое блюдо, украшенное крестом из коринки. Это одно из тех блюд, которые священник лично раздает бедным после поминальной молитвы. Это очень напоминает братские вечера первых христиан.

* Жанна Бертрэн – католичка.

Выйдя из церкви, все монахини и простой народ следуют за старым священником, направляющимся к источнику молиться за усопших. Верующие проходят сквозь тенистый сад у дома игуменьи, затем поднимаются в гору, опускаются, огибают склоны горы и, наконец, оказываются у большого павильона, укрывающего купальню для больных. Совсем рядом под открытым небом устроены иконостас и широкий пюпитр для святых книг.



Настоятельница Топловского монастыря

Священник благословляет толпу огромным кропилом, черпая воду из самого источника. Все стремятся получить несколько капель святой воды. Некоторые целуют ладони своих рук, другие умывают этой водой свои лица. Все очарованы соприкосновением с чудодейственной жидкостью. Затем все подходят к источнику и пьют воду из одного стакана. Одна из монахинь любезно предоставила мне для питья святого напитка отдельную чашу из красной меди с ручкой в виде креста. Вода свежа и очень приятна на вкус.

Поставив на голову одного из мужиков Библию, священник читает молитвы. Затем он просит Бога за души тех умерших, чьи имена были ранее занесены в список. Несколько опоздавших шепчут ему на ухо имена умерших близких, а служба все тянется и тянется, бесконечно долго, с большой набожностью и елейностью. Хор, стоящий под большими деревьями, распевает один и тот же речетатив, оканчивающийся словами: «Господи, спаси нас! Господи, помилуй нас!»

Монастырь состоит из большого числа зданий, выстроенных в лесу. Сам участок леса очень ухожен и превращен в красивейший парк.



Священник монастыря

Сначала я посещаю прекрасно оборудованную больницу, затем аптеку, находящуюся под управлением сестры-специалиста. Иду дальше. Через стекла окон я замечаю большие картины: это художественная мастерская. Мирская девушка живет здесь уже несколько лет. У нее есть талантливые ученицы. Я залюбовалась деревянными иконами тонкой работы, с выпуклым золотистым изображением высокого художественного мастерства. После мастерской наш гид, матушка Нина, ведет нас к домикам с розовыми крышами, которые я еще заметила из своего окна. Это кельи сестер-садовников. Их трое, и они спят в одной просторной выбеленной известью комнате с высоким потолком. На диванах из желтого дерева поверх худосочных матрасов с двумя подушками лежат белые покрывала. «Мы никогда не спим на этих подушках, — говорит одна из монахинь, — они слишком мягкие, что мешает раннему пробуждению. Мы просто кладем руку под голову, и с первым ударом колокола все уже на ногах. Летом работа начинается в четыре утра, а зимой — в пять часов. В восемь мы идем на утреннюю молитву, затем пьем чай. Продолжаем свою работу до обеда, состоящего из овощей и молочных продуктов. Мы не едим мяса, даже по большим праздникам, только рыбу иногда. После обеда в зависимости от времени года мы вскапываем землю, поливаем и обрезаем деревья. У нас много работы круглый год. Настоятельница монастыря освободила от ночной службы всех сестер-садовников, так как многие из нас падали в обморок на этой службе из-за переутомления. Вечером мы едим кашу с чаем. В месяц нам выдают полтора фунта сахара.»

Простота этого рассказа убеждает нас в том, что эта монахиня решительно готова к такому суровому образу жизни.

Дорога ведет нас мимо пасек, разбросанных среди цветов, как неисчислимые маленькие китайские беседки. Далее виднеются жилища монахинь-закройщиц, портных, сапожников, пекарей.

Там же расположены хорошо оборудованные кухни и прачечные. Одним словом, здесь есть все, что нужно.

Ранее Топлу входило в княжество Солдайя (генуэзская крепость, расположенная в 50 километрах от Феодосии).

С самых древних времен гора Топлу считалась священной. Здесь сегодня можно увидеть древнюю греческую церковь в честь святой Параскевы. А на западе на небольшом кургане высится хорошо сохранившаяся армянская часовня, построенная в 1101 году. Над входом видна роспись с ликом Богоматери, датируемая той же эпохой.

Даже татары на протяжении уже нескольких веков почитают святой источник, и в наши дни они приходят сюда по пятницам для омовения. Эти люди обмакивают в воде кусочки разноцветных тканей и повязывают их на деревьях в качестве обета. Монахини восхищаются искренностью этой веры и не препятствуют проведению таких обрядов.

Почему все эти церкви посвящены святой Параскеве? За объяснением мы обратимся к легенде. Рожденная в Риме во времена правления Антония, эта святая приняла христианство и пострадала за веру. Она была брошена к диким зверям, погружена в кипящее масло, брызги от которого ослепили Антония. Но он сразу же прозрел, благодаря молитве Параскевы. Она выдержала все испытания и отправилась в Тавриду проповедовать Евангелие среди язычников. Именно тогда Параскева осветила своим присутствием гору Топлу.

Где умерла она? Никому не известно. Но мощи ее почитаются. Большая их часть находится в монастыре на горе Афон, несколько частиц хранятся в Феодосийском монастыре.

С тех времен культ мученицы упрочился. После присоединения Крыма к России и отъезда татар владетель долины Мокрый Индол отдал эту местность нескольким бедным женщинам, жившим на подаяния прохожих в жалких лачугах на горе Топлу. Этим было положено начало сегодняшнему монастырю.

Среди настоятельниц монастыря числится баронесса Бодэ, отец которой являлся другом и покровителем некоей дамы Гаше, высланной в Крым. Будучи на самом деле знаменитой героиней истории с ожерельем королевы, мадам Гаше, вернее Жанна де ла Мотт Валуа умерла и была похоронена в Старом Крыму, расположенном близ монастыря.

После нашей исторической экскурсии можно подумать и об отъезде. Сестра Нина принесла нам книгу памяти, в которую к многочисленным предыдущим благодарностям разных гостей мы прибавляем свою. Монахини приветствуют нас так же, как они поклоняются иконам, — низким поклоном. Я замечаю, что отвечаю им тем же. Это не совсем красиво, но зато по-монастырски.

С большим сожалением я покидаю этот мирный и живописный уголок, затерявшийся в Крымских Альпах. Совместное имущество, общинная жизнь, безбрачие, послушание являются правилом для всех религиозных орденов, но здесь это огромное незамкнутое пространство, относительная независимость монахинь, эта жизнь на открытом воздухе создают у меня впечатление счастья более реального и простого, нежели в наших французских монастырях. Одним словом, эти женщины мне кажутся более свободными под сенью их веры.